УДК 821.581

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ

А. М. БУКАТАЯ [1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Посвящена вопросу выявления национальной идентичности в современной китайской литературе. Исследование проведено с учетом особенностей китайского национального самосознания и характера, историзма, культурного синкретизма конфуцианской, даосской и буддистской традиций, природы китайской системы письма и понятия «вэнь». Очерчены различия между этнической и национальной идентичностями, а также проблема самоидентификации автора на примере китайской литературы зарубежья. Особое внимание уделяется изучению прозы китайского зарубежья на примере творчества современной писательницы Чжан Лин (1957). Теоретической базой исследования являются работы Г. Д. Гачева, М. Н. Корнилова, В. М. Пивоева, Н. А. Спешнева и др.

Ключевые слова: китайская литература; национальная идентичность; историзм; национальное самосознание; национальный характер; три учения Китая; понятие «вэнь»; Чжан Лин.

NATIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY CHINESE LITERATURE'S PROSE

A. M. BUKATAYA [a]

[a]*Belarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus*

The article deals with the searching for national identity of contemporary Chinese literature, based on the historical thinking, peculiarities of the Chinese national self-consciousness, cultural syncretism of Confucian, Taoist and Buddhist traditions, specific features of Chinese national character, nature of the Chinese writing system, wen concept. The differences between ethnic and national

Образец цитирования:
Букатая А. М. Национальная идентичность в современной китайской прозе // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 3–7.

For citation:
Bukataya A. M. National identity in contemporary Chinese literature's prose. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika.* 2016. No. 1. P. 3–7 (in Russ.).

Автор:
Анастасия Михайловна Букатая – преподаватель кафедры китайской филологии филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Н. М. Шахназарян.

Author:
Anastasiya Bukataya, lecturer at the department of Chinese philology, school of philology.
kenga_bu@tut.by

identity is also regarded in this article along with the problem of author's self-identification on the example of Overseas Chinese literature. Special attention is paid to the learning of Overseas Chinese literature's prose. Besides, it focuses on the works by Zhang Ling (1957), one of well-known Chinese fiction writer in Canada. We address theoretical studies by G. D. Gachev, M. N. Kornilov, V. M. Pivoev, N. A. Speshnev.

Key words: Chinese literature; national identity; historical thinking; national self-consciousness; national character; three teachings of China; wen concept; Zhang Ling.

Анализ художественных произведений, как способ изучения национальной специфики, идентичности, не является новым, однако остается актуальным, особенно в свете влияния глобализации на все сферы жизни общества, а также с учетом образования глобальных информационных сетей, учащения межкультурных контактов, проявлений потери культурной целостности, частичного стирания границ национального единства. Современная китайская литература обладает рядом идентификационных черт. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Китайский язык и особое отношение к словесности.* Еще в конфуцианской теории утверждалась тождественность словесности орудию Дао. Литература отображает культурный знак, она же транслирует культуру и преломляет ее, одновременно открывая путь к дальнейшему развитию. В современном китайском языке существует иероглиф 文 (*wen*, *вэнь*) 'иероглифы, письмена, письменность, изящная словесность, литература, текст, культура, узор' и др. Иероглиф *вэнь* входит в состав слов 文学 (*wenxue*, *вэньсюэ*) 'литература', 文化 (*wenhua*, *вэньхуа*) 'культура', 中文 (*zhongwen*, *чжунвэнь*) 'китайский язык', 文明 (*wenming*, *вэньмин*) 'цивилизация'. Таким образом, связь культуры и литературы в процессе цивилизационного развития зафиксирована на уровне языка. Культура и литература представляются в китайском мировоззрении как отдельные феномены, одновременно являющиеся частью космоса словесного искусства. Доказательством может служить трактат великого теоретика литературы V в. Лю Се (刘勰) «Резной дракон литературной мысли» (文心雕龙, дословно – «Словесное сознание вырезает драконов»). Вырезать драконов – значит творить, создавать произведения изящной словесности. Это также верно и для современной китайской литературы, которая под влиянием процессов глобализации ощущает и воспринимает традиции других стран, но остается исконно китайской. Таким образом, можно согласиться с мнением В. А. Корсуна, называвшего иероглифическую письменность «олицетворением культурного и лингвистического единства традиции китайской изящной словесности» [1, с. 74].

2. *Историзм*. Историческое развитие играет огромную роль в формировании национального характера. Именно историю Китая А. А. Маслов называет «ключом к пониманию китайской национальной психологии» [2, с. 9] и через историческую призму дает толкование понятия национального единства и зарождения феномена китайского национализма [2, с. 12–13]. Ученый подчеркивает значение «чувства истории» и ее совместного «переживания» как консолидирующих факторов для китайской нации [2, с. 16–17].

Для историзма в китайской культуре, как и в культурах восточного типа в целом, характерно представление о циклично направленном времени. М. Н. Корнилов утверждает, что китайское традиционное мышление исторично и метафорично одновременно. Пространство и время китайцы представляют как «нечто, созданное человеческим опытом и разумом», а в западной традиции закреплены представления об этих понятиях как об «априорном интуитивном знании, предшествующем пониманию и опыту» [3, с. 102]. В отличие от западного китайскому историзму не свойственны абстрактность и склонность к теоретическим обобщениям. Традиционное китайское мышление конкретно и прагматично. Изначально понятие «история» подразумевало фиксацию событий, описание прошлого, историческую прозу, позже – непосредственно сами события и факты. Долгое время история не воспринималась как наука, отсутствовала идея обусловленности и взаимозависимости исторических процессов. В китайской традиции прошлое воспринимается как метафора настоящего, из чего следует тяготение к поиску параллелей и аналогий; предпочтение отдается прецеденту, а не выявлению взаимосвязи. Соглашаясь с М. Н. Корниловым в том, что «традиционное китайское мировоззрение всегда акцентировало внимание на контексте опыта» [3, с. 101], выделяем историзм как идентификационную черту китайской литературы.

3. *Отражение особенностей национального самосознания в литературном опыте.* Специфика формирования этноса и последующие качественные изменения национального самосознания проявляются в развитии каждой национальной культуры. В настоящее время китайское национальное самосознание сочетает в себе современную идею возрождения национального величия со стремлением сохранить самобытность и исследовать локальные идентичности. В литературе особое внимание уделяется идее «поиска корней» (寻根, *xungen*, *сюньгэнь*). Активно развивается региональная литература и китайская литература зарубежья, что способствует пропаганде идеи национального величия и формированию положительного национального автостереотипа.

4. *Влияние трех учений (конфуцианство, даосизм, буддизм)*. Как отмечает Т. И. Шамякина, именно переплетение этих учений лежит в основе традиционного жизненного уклада китайцев и в настоящее время «китайское общество руководствуется не столько идеологическими предписаниями, сколько своими извечными культурными ценностями, которые, как оказалось, вполне соответствуют условиям нынешней постиндустриальной цивилизации» [4, с. 58].

Китайская литература отличается культурным синкретизмом. От философско-идеологической конфуцианской традиции она восприняла родовой коллективизм и иерархичность, воплощенные в модели семьи. Значительное влияние на китайскую литературу оказали космолого-онтологические воззрения даосизма и особая модель мира, где важное место отводится понятию и образу Дао (道), категории преобразующего *Небытия* (*Хаоса*), принципам «у-вэй» (无为 ‘недеяние’) и «цзыжань» (自然 ‘естественность’). Китайские исследователи выделяют такие черты национальной специфики, национального духа, как гуманность (仁, *ren*, *жэнь*) и следование ритуалу (礼, *li*, *ли*), которые выдвигались еще Конфуцием. Сейчас к соблюдению ритуала можно отнести общепринятые правила поведения, соответствующие нормам морали, следование этикету. Китайцы прагматичны, что выражается в вере в равновесие сил природы и отражает натурфилософское влияние даосизма. Буддизм, в частности чань-буддизм, способствовал развитию универсалистского мировоззрения и в литературной традиции нашел отражение в поисках истины и познания тайн человеческой души, людских страстей и желаний.

5. *Специфический подход к толкованию понятия «характер»*. Проявляются такие доминанты национального характера, как следование принципу золотой середины, прагматизм, стремление к самосовершенствованию, обостренное чувство стыда, безусловное преклонение перед авторитетом и др. После десятилетия «культурной революции» китайская общественность нуждалась в возрождении национального величия. Это проявилось в пристальном внимании к изучению самой сущности «китайской специфики» и воспитанию чувства национальной гордости. В художественной и публицистической литературе это выразилось в поиске, анализе, критике китайского национального характера и предложениях по его преобразованию. Отличительной чертой традиционного китайского подхода к изучению национального характера представляется то, что долгое время слово 性格 ‘характер’ (*xìnggé*, *сингэ*) не фиксировалось в словарях и было заимствовано из английского языка [5, с. 22]. Как отмечает Н. А. Спешнев, толкование этого слова «включает в себя такие понятия, как 世界观 ‘мировоззрение’, 现实态度 ‘реальная позиция’, 心理特征 ‘особенности психологии’ и 行为方式 ‘манера поведения’. Каждое из этих понятий, в свою очередь, включает множество других взаимосвязанных подвидов» [5, с. 24]. В данном контексте китайские ученые используют слово 精神 (*jingshen*, *цзиншэнь*), которое можно перевести как ‘дух, душа, сущность, психика, энергия, духовные силы’, оно также подменяется понятием 民族精神 ‘национальный дух’ [5, с. 30]. Отсутствие четкой терминологии частично обусловлено спецификой языка, которая затрудняет подбор адекватных аналогий для терминов, принятых в западноевропейской науке, и их синхронизацию.

Заметим, что в вопросе национальной специфики китайцев отсутствует четкая терминология и преобладают личностные (субъективные) представления исследователей о составляющих национального духа, характера, мировоззрения. Как правило, указывается, что китайское мышление более склонно к материализму и аксиологии, нежели к западным мистицизму и сциентологии. В национальном китайском характере ярко выражены интровертность, рационализм, холизм, фамилизм, консерватизм, дисциплинированность, коллективизм. Уникальная совокупность всех этих и других качеств дает представление о менталитете китайцев, отражающемся и в литературе.

Национальная специфика литературы включает отражение в художественных произведениях национального самосознания, мировоззрения, менталитета, представлений о национальном образе мира. При использовании данных понятий в контексте изучения литературы обратимся к работам Г. Д. Гачева, посвященным *Космо-Психо-Логосу*. Автор не дает строгого определения терминов «национальный», «этнический», «региональный» и т. д., поскольку они практически переплетаются и их границы размыты [6, с. 10]. Для понимания национальной целостности Г. Д. Гачев предлагает в качестве ближайшего пути «анализ национальной образности литературы и рассмотрение через нее всей толщи культуры, включая и естествознание – как тексты научной литературы» [7, с. 10]. Наиболее четко национальный образ мира проявляется в космогонии, мифологии, художественной литературе, а для понимания национальной специфики какого-либо явления в литературе «всегда совершается выход к не-литературе: привлекаются обычаи старины, психики, картины природы…» [7, с. 12]. И в этом случае необходимо обратиться к целостности национального *Космо-Психо-Логоса*, который представляет собой сложную систему и особое по отношению к литературам других народов соотношение элементов. В качестве наиболее очевидных признаков национальной специфики принято рассматривать язык, на котором написано произведение, и место основного проживания, «территорию» автора.

Это проистекает из внешних атрибутов этнического в личности [5, с. 19]. Преобладающим атрибутом чаще является именно язык как часть национальной целостности.

При выявлении особенностей современной китайской литературы мы учитывали и этническую, и национальную идентичности. По утверждению В. М. Пивоева, «этническая идентичность является результатом рождения, воспитания, внушения и сознательного убеждения, благодаря чему человек определяет свою принадлежность к этносу. <…> В отличие от этого принадлежность к нации есть результат социализации, сознательного выбора своей принадлежности и усвоения ценностей национальной культуры» [8, с. 103]. В. М. Пивоев допускает существование бинарной этнической идентичности у людей, выросших в смешанных браках. Такая двуплановая этническая идентичность особенно четко отражается в китайско-американской литературе пограничья. Этническая и национальная идентичности человека могут не совпадать. «В таком случае человек осознает свою принадлежность к нации, разделяя ее ценности и осознавая свою ответственность за нее, но при этом он чувствует себя по рождению, по кровному родству принадлежащим к этносу, который также предъявляет к нему свои требования, и это не зависит от осознания этим человеком своих этнических корней» [8, с. 104].

Кроме языка, на котором написано произведение, во внимание следует принять и то, каким образом определяют свою национальную идентичность сами авторы. Например, творчество известной американской писательницы китайского происхождения Э. Тан, автора таких известных романов, как «Клуб радости и удачи», «Сто тайных чувств», «Дочь костоправа», сочетает в себе историзм, стремление к поиску национальных корней, влияние идей конфуцианства, даосизма и буддизма, особенности национальной психологии китайцев, отраженные в чертах героев, использование традиционной космоонтологической модели. Но сама автор выступает против причисления себя к «литературному гетто» писателей китайского происхождения [9, p. 306]. Э. Тан пишет на английском языке, ее творчество относится к «литературе пограничья». Несмотря на национальное самоопределение писательницы, в ее произведениях четко отражена китайская национальная картина мира. Для полного представления о современной литературе Китая видится целесообразным изучать произведения не только Э. Тан, но и других представителей китайско-американской традиции с точки зрения исследования проблемы идентичности, понятий национальных менталитета, характера, картины мира и *Космо-Психо-Логоса*.

Если азиато-американская «пограничная литература» написана на английском языке, то литература китайского зарубежья (海外文学, *haiwaiwenxue*, *хайвай вэньсюэ*, дословно – ‘заморский’) – на китайском. Авторы, которых относят к «заморской» литературе, такие как Чжан Лин (张翎), Чэнь Цянь (陈谦), Ван Жуйюнь (王瑞芸), обладают двойственной идентичностью, их произведения могут характеризоваться двоякой национальной спецификой, что является результатом межэтнической коммуникации и находит отражение в их культурном самоопределении. Провести четкую границу между культурной и этнической идентификациями не представляется возможным, поскольку в новой китайской эмигрантской литературе они существуют в неразрывной связи. В данном случае язык является определяющей частью национальной целостности, а культура, быт, история привносят свою специфику, что позволяет выделять такие произведения в особую категорию, но не отмежевывать от китайской литературы.

Проявление национальной специфики, особенностей национального менталитета, национального образа мира в современной китайской литературе особенно рельефно вырисовывается в контексте китайской эмигрантской прозы. Примером может служить творчество Чжан Лин – современной китайской писательницы, представительницы китайского зарубежья, известной как автор рассказов, повестей и романов, многие из которых отмечены различными премиями и наградами. На русский и белорусский языки ее произведения не переведены.

Исследование прозы Чжан Лин способствует выявлению новых тенденций в развитии современной китайской литературы. Писательница живет и работает в г. Торонто, пишет на китайском языке, свой творческий путь начала уже после приезда в Канаду в качестве студентки. Особенности ментальности, то «национальное» [6, 7], что характерно для культурного контекста канадского общества, послужили импульсом к писательской деятельности. Чжан Лин, как и большинство китайских эмигрантов, никогда не теряла связи с родиной. В отличие от творчества Э. Тан произведения Чжан Лин представляются национально однозначными и определенными. Сама автор в эссе «Заметки о бане» пишет о своей духовной связи с малой родиной: «Я поступила в университет, сначала покинула родной город, потом уехала из страны, долго скиталась по миру, мне довелось пожить в шести городах и пятнадцать раз сменить жилье. Вдали от дома я переживала времена, когда у меня не было ни денег, ни любви, ни дружеской поддержки, встречала очень много упорно ищущих и также упорно теряющих людей. Часто, просыпаясь, увидев звездное небо за окном, не знала, где нахожусь. Когда засыпала

ночью, передо мной оказывалась та дорожка перед домом, вымощенная брусчаткой, и тот старый колодец в конце переулка, запечатлевший превратности очень многих человеческих судеб»[1] [10].

Китайскую национальную литературу мы рассматриваем не только в контексте названных культурных, философских и эстетических традиций, общности языка, особенностей восприятия исторического времени и пространства, но и с точки зрения национального самоопределения писателя. Все эти факторы в совокупности позволяют оценивать литературу в целом или конкретное произведение как национально ориентированные. Выявление «национального» предполагает обращение к обширному комплексу понятий («национальный образ мира», «менталитет», «идентичность», «характер» и т. д.), которые проявляются на проблемно-тематическом уровне произведений, в особенностях содержания и идейного замысла, находят отображение в системе образов, символике, специфике изображения художественного времени и пространства.

Проза современной китайской писательницы зарубежья Чжан Лин является одним из образцов национально ориентированного творчества в силу наличия идентификационных характеристик. Среди них – особая связь пространства, времени и истории в китайской литературной традиции. Исторические факты и события являются неотъемлемой частью произведений Чжан Лин. Действие всегда происходит в исторически конкретном времени и пространстве. В произведениях зачастую фигурируют названия городов, где Чжан Лин или ее семье довелось жить, учиться, работать (Цзаоси, Вэньчжоу, Шанхай, Торонто, Ванкувер и др.). Большинство главных героев – эмигранты, но их национальная и этническая идентичности совпадают, а в их поступках и характерах четко прослеживаются особенности китайской психологии. В творчестве Чжан Лин выделяются тема «поиска корней» и традиционный для китайской литературы мотив «тоски по родине» (乡愁, *xiangchou*, *сянчоу*). Религиозный и культурный синкретизм представлен сочетанием не только трех учений, но и влиянием христианства (повести «Овечка», «Пустое гнездо», «А-Си идет в школу» и др.). Чжан Лин живет и работает за границей, но пишет на китайском языке и для китайской аудитории, а ее творчество является образцом китайской национальной литературы.

Таким образом, национальная идентичность раскрывается в творчестве Чжан Лин на проблемно-тематическом уровне через иммигрантскую тему и тему «поиска корней», проблемы национального самоопределения и культурного взаимодействия, использование композиционного приема ретроспекции, систему персонажей, подавляющее большинство которых составляют китайцы; на поэтико-стилевом уровне – через использование диалектизмов, заимствований, обращение к поэтическому тексту, традиционную образно-символическую систему и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (*REFERENCES*)

1. *Корсун В. А.* Идентичность с «китайской спецификой» // Полис. Полит. исслед. 2008. № 3. С. 68–79 [Korsun V. A. Identity with «Chinese characteristics». *Polis. Politicheskie issled.* 2008. No. 3. P. 68–79 (in Russ.)].

2. *Маслов А. А.* Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М., 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cn888ru.com/media/maslov_a_a_nablyudaya_za_kitaicami_skrytye_pravila_povedeniy.pdf (дата обращения: 25.01.2016).

3. *Корнилов М. Н.* Пространство, время и история в культурной традиции Китая // Соц. и гуманит. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2000. № 1. С. 101–110 [Kornilov M. N. Space, time and history in the cultural tradition of China. *Sotsialnye i gumanit. nauki. Otechestv. i zarub. lit. Ser. 10, Kitaevedenie.* 2000. No. 1. P. 101–110 (in Russ.)].

4. *Шамякина Т. И.* Мифологическое пространство в китайской культуре // Беларусь – Китай. Китай в современном мире : сб. науч. тр. Минск, 2011. № 10. С. 50–58 [Shamyakina T. I. Mythological space in Chinese culture. *Belarus' – Kitay. Kitay v sovremennom mire* : sb. nauchn. tr. Minsk, 2011. No. 10. P. 50–58 (in Russ.)].

5. *Спешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2011.

6. *Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. М., 2008.

7. *Гачев Г. Д.* Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. М., 2007.

8. *Пивоев В. М.* Этнос и нация: проблемы идентификации. М., 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.google.by/books?id=r6SPAwAAQBAJ&pg=PT105&lpg=PT105&dq#v=onepage& q&f=false (дата обращения: 10.11.2014).

9. *Tan A.* The Opposite of Fate: Memories of a Writing Life. N. Y., 2003.

10. 张翎. 随笔: 杂忆洗澡. 2005 = *Чжан Лин*. Эссе: заметки о бане. 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=9245 (дата обращения: 03.11. 2014).

Статья поступила в редколлегию 26.01.2016.
Received by editorial board 26.01.2016.

[1] Перевод наш. – *А. Б.*